

Максим Орлов

**ИМПЕРИЯ
ТЕНЕЙ
(THEATRUM
UMBRARUM)**

Максим Вячеславович Орлов

ИМПЕРИЯ ТЕНЕЙ

(THEATRUM UMBRARUM)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73061273

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где подлинные чувства вытеснены дешёвой синтетикой, последним пристанищем живой скорби и страха становится «Театр Душ». Для избранной публики – это шоу. Для таинственной труппы – изошрённая ферма. Они – не мистические вампиры, а мутанты, питающиеся не кровью, а чистыми эмоциями

Циничный критик Лео, безучастный ко всему после потери жены, попадает на их спектакль. Его неподдельное горе – редкий деликатес. Актрисе Элис, вечно холодной и опустошённой, поручено его завлечь. Но между ними проскакивает искра – не искусственной страсти, а взаимного узнавания двух сломленных душ.

Их связь становится угрозой для отлаженной системы вампирского искусства. Бегство превращается в смертельную игру, где сценой служит гигантский поезд «Северянин», несущийся в ледяную пустыню Сибири – последний регион, где чувства остались дикими и неуправляемыми. Чтобы выжить,

им придётся превратить свою боль из приманки – в оружие, в единственный якорь в мире, где всё человеческое стало товаром или добычей.

Содержание

ПРОЛОГ: ОТЗВУКИ	5
ГЛАВА 1: ПРЕЛЮДИЯ ИЗ ПЕПЛА	17
ГЛАВА 2: ЛОЖА НОМЕР ТРИНАДЦАТЬ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

ИМПЕРИЯ ТЕНЕЙ (THEATRUM UMBRARUM)

ПРОЛОГ: ОТЗВУКИ

Персонаж: ЛЕО

Инъекция «Спокойствия» была просроченной на два месяца. Лео знал это, щупая в кармане пальто пустой, липкий от конденсата флакон. Он сделал укол утром, надеясь на смутное, ватное забвение, но получил лишь головную боль и металлический привкус на языке. Синтетика подводила. Как и всё в этом мире, лишенном сцепления с реальностью.

Он стоял на мосту, вглядываясь в ночное небо, где вместо звезд мерцали курсирующие рекламные дроны, проецирующие сияющие логотипы синтетических чувств: «Эйфория-7», «Ностальжи-Премиум», «Безмятежность». Воздух был стерилен, пропущен через фильтры, лишен запаха. Даже звуки города – гул моторов, отдаленные голоса – казались приглушенными, будто обернутыми в полимерную пленку. Так жил город: в безопасной, бесцветной асептике.

Его рука сама потянулась к планшету, к последней сохраненной голограмме. Марта. Она смеялась, запрокинув голову, и в уголках ее глаз собирались лучистые морщинки – те самые, что появлялись только от настоящего, неконтролиру-

емого смеха. Он мог купить «Радость» любой интенсивности, вколоть ее и заставить свои мышцы лица растянуться в улыбке. Но это была бы пустая гримаса. Он не помнил, как пахнут ее волосы. Память о запахе стерлась, как стираются ненужные данные. Осталось лишь визуальное воспоминание и сосущая пустота в груди, которую никакая синтетика заполнить не могла. Она умерла год назад, и с ее смертью в нем погасло последнее окно в мир подлинных чувств. Он стал профессиональным наблюдателем, критиком бесчувственного искусства для бесчувственной публики.

В кармане завибрировал коммуникатор. Сообщение от редактора: ««Театр Душ». Завтра. Премьера «Элегии серого камня». Билет у входа. Не опаздывай. Говорят, там... настоящее».

Лео фыркнул. «Настоящее». Самое продаваемое слово эпохи тотальной симуляции.

Он бросил последний взгляд на голограмму, выключил ее и повернулся к городу. Холодный ветер, поднявшийся с реки, на мгновение показался ему дыханием чего-то древнего и неучтенного. Он втянул воздух носом, ожидая запаха воды, тины, металла. Ничего. Лишь стерильная пустота.

Параллельный сюжет: ТЕАТР ДУШ. Тот же момент.

Персонаж: КОНРАД ВАЛЬТЕР

В абсолютной тишине своего кабинета, расположенного глубоко в чреве театра, Конрад Вальтер стоял перед старинным зеркалом в раме из черного дерева. Он не видел в нем отражения. Не из-за суеверий – его зрение воспринимало спектр иначе. Он видел тепловые следы, пульсацию биополя. Стекло для него было холстом, на котором мерцали разводы остаточного тепла от прикосновений горничной, вытиравшей пыль час назад.

Его длинные, бледные пальцы скользнули по бархатной обивке кресла. Материал был холодным и ворсистым, впитывал каждый звук. Здесь, за стенами метровой толщины, отделанными свинцом и пробкой, царила благословенная тишина. Ни радиочастот, ни пси-шума толпы, лишь чистый, неискаженный фон вселенной.

Он закрыл глаза, не нуждаясь в свете, и прислушался. Сквозь этажи, сквозь балки перекрытий и пласты истории к нему доносился слабый, но отчетливый гул. Ритм. Не музыки, а сердец. Сто двадцать три сердца – актеров на репетиции, рабочих сцены, немногочисленной obsługi. Каждое билось в своем, уникальном темпе: учащенно от волнения, лениво от усталости, неровно от скрытого страха. Он различал их, как дирижер различает инструменты оркестра. Это был его оркестр. Его симфония, пока еще не начавшаяся.

Завтра симфония зазвучит в полную силу. Завтра в зал придут они. Сытые, уставшие от синтетики, жаждущие хотя бы намек на подлинность. Их сердца будут биться ровно,

их эмоциональное поле – плоским, как стол. Но он, его актеры, его пьеса... они заставят эти сердца учащаться, сжиматься, замирать. Они вызовут в душах зрителей настоящий, дикий, неукротенный страх. И этот страх, этот чистый, горький, как старый коньяк, нектар, поднимется к ним, к ломам, к кулуарам. Они будут вдыхать его, впитывать каждой порой, каждой клеткой своего измененного существа. Это будет пиршество.

На его тонких губах тронулась едва заметная улыбка. Он подошел к герметичному окну-витражу, выходящему не наружу, а в техническое помещение за сценой. Там, в синеватом свете биоламп, стояли ряды прозрачных капсул, похожих на саркофаги. В них спали его главные «доноры» – актеры второго состава. Они были истощены, их эмоциональные резервуары опустошены вчерашним «кормлением». Но к вечеру они проснутся, их вены наполнят стимуляторы и концентрированные коктейли из синтетических эмоций-полуфабрикатов. И они выйдут на сцену, чтобы, как губки, впитать живые чувства из зала и передать их по капиллярам скрытой системы ему и его семье.

На улицах города Лео проходил мимо «Эмоциональных кафе», где люди сидели за столиками с капельницами, подключенными к венам, и с блаженными улыбками смотрели в пустоту. Мимо рекламных тумб, сканирующих прохожих и предлагающих персонализированный эмоциональный «десерт». Все были сыты. Все были спокойны. И все были мерт-

вы внутри.

«Театр Душ» возникал перед ним внезапно, как пробоина в реальности. Не небоскреб, не хай-тек конструкция из стекла и стали. Массивное, приземистое здание из темного кирпича, проглоченное временем и городом. Окна были забраны решетками и глухими ставнями. Единственный признак жизни – тускло горящая над массивными дубовыми дверями лампа в форме полумесяца, обвитого плющом. Воздух вокруг, казалось, густел, звуки приглушались. Лео почувствовал, как по спине пробежал холодок – не синтетический, из флакона, а подлинный, идущий изнутри. Инстинктивный.

Он потянул тяжелую дверную ручку. Сдался скрип, не электронный, а механический, живой. Его встретил запах – настоящий запах. Воска, старой бумаги, пыли, древесины и чего-то еще... сладковатого, пряного, как увядающие цветы. Воздух был прохладным и неподвижным.

Молчаливый слуга в ливрее, лицо которого было неподвижной маской, принял приглашение и проводил Лео в зрительный зал. Тот замер на пороге.

Зал был невелик, но потолок терялся где-то в вышине, в темноте, из которой свисала гигантская, многорожковая люстра, затянутая паутиной. Бархатные ложи, красные, как старая кровь, поглощали свет. Сцена, обрамленная резным дубовым порталом, была скрыта тяжелым занавесом цвета запекшейся вишни. Тишина здесь была иной, не городской. Она была плотной, насыщенной, будто впитывала в себя сто-

летия вздохов, аплодисментов и немого ужаса.

Лео прошел к своему месту в партере. Кресло мягко прогнулось под ним. Он положил руку на подлокотник и ощутил под пальцами не холод пластика, а шероховатость настоящего дерева, покрытого десятками слоев лака. Он выдохнул, и его дыхание не растворилось бесследно, а повисло на мгновение в холодном воздухе туманным облачком.

Внезапно, где-то высоко над головой, скрипнула половица. Ему показалось, что в одной из темных лож, на самом верху, мелькнуло движение. Неясный белый овал – лицо? Он присмотрелся. Ничего. Лишь густая тень.

Но ощущение не покидало его. Ощущение взгляда. Множества взглядов, скользящих по его спине из темных углов, из-за складок занавеса, из самой толщи воздуха. Он был здесь не один. Театр бодрствовал. Он наблюдал. И ждал.

Завтра начнется спектакль. Но пролог, понял Лео с леденящей ясностью, уже пишется. И он, сам того не ведая, только что вступил на его страницы. Пустота внутри него, та самая, что он носил с собой как саван, вдруг замерла, насто-рожилась. Она почувала в этом странном, тихом месте что-то знакомое. Что-то древнее и голодное.

А где-то в глубине здания, проводя рукой по струнам бесструнной арфы, Конрад Вальтер тихо произнес в почтительную тишину: «Завтра».

И это слово повисло в воздухе, не звуком, а обещанием. Обещанием пира.

Лео сидел в партере, и холод бархатного кресла просачивался сквозь ткань брюк, настойчивый и неумолимый. То чувство, что за ним наблюдают, не исчезло. Оно кристаллизовалось, стало осязаемым, как давление перед грозой. Он заставил себя осмотреться, взглядом профессионального критика, оценивающего обстановку.

Его внимание привлекли скульптуры в нишах между ложками. Не аллегорические изображения Муз, как можно было ожидать. Это были изможденные, удлинённые фигуры в порывистых, почти мучительных позах. Один застыл, прикрыв лицо руками, другой – вытягивал руки к невидимому свету, третий – словно застыл в крике, но мраморный рот был беззвучно пуст. Искусство резца было виртуозным, но в нем не было ни капли возвышенности. Только отчаяние, доведенное до абсолюта. Лео почувствовал, как по его спине пробежал тот самый, редкий мурашек – не от холода, а от смутного узнавания. Это была пластическая форма той самой внутренней пустоты, что грызла его. Только вывернутая наизнанку, выраженная не отсутствием, а избытком страдания.

Откуда-то сверху, с галерки, донесся слабый звук. Не скрип, а скорее шорох – словно кто-то в плаще с осторожностью призрака прошелся по старым половицам. Лео резко поднял голову. Верхние ярусы тонули в непроглядном мраке. Лишь кое-где отсвечивали позолота балюстрад и тусклые отблески на стеклах пустых люстр. Ничего. Тишина вновь

сгустилась, став еще плотнее, еще более многозначительной.

Он потянулся было за планшетом, чтобы сделать пометку, но остановился. Электронный свет здесь казался бы кощунством, вторжением чужеродного, мертвого мира в это царство вековой тьмы. Вместо этого его пальцы нащупали в кармане старую, почти забытую записную книжку из настоящей бумаги и автоматический карандаш. Он вытащил их, и сам этот жест показался ему архаичным, почти ритуальным.

«Театр «Душ». Предварительные впечатления, – вывел он угловатые буквы. «Атмосфера не столько театральная, сколько... погребальная. Тишина – не для сосредоточения, а для подавления. Архитектура давит. Декорации на грани патологии. Чувство постоянного стороннего наблюдения. Идеальная сцена для триллера. Или для чего-то более буквального».

Он замолчал, обдумывая последнюю фразу. Слишком поэтично. Слишком... лично. Он уже собирался зачеркнуть, когда сбоку, из прохода между рядами, донесся едва уловимый звук.

Пение.

Нет, не пение. Напев. Низкий, монотонный, почти мужской голос выводил что-то на незнакомом языке. Мелодия была лишена привычной гармонии, она была построена на диссонансах и странных интервалах, которые резали слух, но при этом гипнотически затягивали. Лео замер, затаив дыхание, стараясь уловить слова. Они тонули в акустике за-

ла, но одно проступало снова и снова, как рефрен: «Sanguis animae... Sanguis animae...»

Кровь души.

Лео резко обернулся. В полутьме проступала фигура. Высокая, худая, одетая во все черное. Это был мужчина, медленно двигавшийся вдоль ряда, проводя белой, невероятно длинной рукой по спинкам кресел. Его пальцы скользили по бархату с такой нежностью, с какой lover касается кожи. Лицо его было обращено к сцене, профиль вырезался бледным пятном в темноте – острый, с гордым, почти надменным изгибом носа и глубоко запавшими глазницами. Это не мог быть слуга. В его движении была смертельная, хищная грация. Он не смотрел на Лео, но критик был абсолютно уверен, что мужчина знает о его присутствии. Знает и игнорирует, как игнорируют мебель.

Напев оборвался так же внезапно, как и начался. Фигура повернула за угол и растворилась в тени боковой ложи. От нее осталось лишь послевкусие – холодок в воздухе и ощущение, будто в комнату ненадолго вошел полярный ветер.

Лео обнаружил, что сжимает карандаш так, что тот вот-вот сломается. Его собственное сердце, обычно ленивое и равнодушное, стучало с непривычной силой где-то в горле. Страх. Настоящий, дикий, животный страх, которого он не испытывал с того дня, когда получил известие о Марте. Он вскочил с места, желая одного – выбраться наружу, к стерильному свету фонарей, к знакомому гудению города.

Но в этот момент где-то в глубине театра, за сценой, прозвучал удар гонга. Низкий, вибрационный, не звук, а почти физический толчок, прошедший сквозь пол и вобравший в себя всю тишину. Он висел в воздухе, долгий, затухающий.

И сразу после него – тихий, ясный голос, донесшийся, казалось, из самого потолка:

«До начала – двенадцать часов. Труппа приступает к окончательному очищению. Посторонним покинуть храм теней.»

Голос был вежливым, бесстрастным и не оставлял пространства для вопросов. Это был приказ, облаченный в форму приглашения.

Лео, все еще дрожа от необъяснимого испуга, поспешно направился к выходу. Его шаги гулко отдавались в пустом зале, предательски громкие. Он чувствовал на себе взгляды тех самых скульптур, взгляд темноты из лож, взгляд того, кто пел странную песню. Дубовая дверь показалась ему спасительным порталом в нормальный мир.

Выскочив на ступени, он захлопнул дверь за собой и прислонился к холодному кирпичу, делая глубокие, прерывистые вдохи. Ночной воздух мегаполиса, безвкусный и синтетический, никогда еще не казался ему таким сладким. Он смотрел на поток машин, на неоновые вывески, на бесчувственные лица прохожих – и это зрелище было *blessedly familiar*, успокаивающе обыденным.

Но когда он оторвался от стены и сделал шаг, чтобы уйти, его нога наткнулась на что-то мягкое. Он посмотрел вниз.

На камне лежала одна белая роза. Идеальной формы, с полураскрытым бутоном. Ее лепестки были бархатистыми и абсолютно свежими, на них сверкали капли – не росы, а чего-то более густого, маслянистого, слабо отражавшего городской свет. Он потянулся, чтобы взять ее, но остановился. Вместо этого он присел на корточки, чтобы рассмотреть поближе. И тогда он заметил.

Стебель розы был не срезан секатором. Он был оборван, как будто цветок не сорвали, а вырвали с силой. А на одном из ближайших к бутону листьев, почти невидимая на темно-зеленой поверхности, темнела маленькая, почти черная капля. Лео не стал ее трогать. Он поднялся, медленно вытер руку о пальто и, не оглядываясь, зашагал прочь от театра, смешиваясь с толпой.

Он не видел, как в одном из высоких, глухих окон театра, где, казалось, не могло быть помещения, отодвинулась тяжелая портьера. На фоне темноты возникла бледная фигура Конрада Вальтера. Его нечеловечески острый взгляд следил за удаляющимся силуэтом критика. Он не видел лица Лео, но видел другое – ауру, мерцающую вокруг него. Тусклую, серую, как пепел, но пронизанную яркими, алыми, еще живыми нитями незаживающей боли. Такую редкую. Такую... вкусную.

Губы Конрада растянулись в едва заметной, безрадостной улыбке. Он опустил взгляд на подоконник, где лежала вторая роза, идентичная первой. Ее стебель был чист, без изъ-

янов. Первую же, с оборванным стеблем и каплей давно высушенной, потемневшей от времени крови (не его, нет, никогда его), он оставил специально. Небрежный намек. Первая нота в симфонии, которая должна была свести с ума этого человека, полного такой восхитительной, неподдельной скорби.

«Завтра, – шепнул он в уже пустую ночь, и его дыхание не оставило на стекле и следа. – Мы сыграем для тебя особую пьесу, мистер критик. А ты... ты будешь нашим главным действующим лицом.»

Он отпустил портьера, и тьма сомкнулась, поглотив его белизну. Театр «Душ» вновь замер, превратившись в безмолвный, темный утес в бурлящем потоке города. Но внутри его стен уже зашевелилась жизнь. Призрачная, голодная, готовящаяся к пиру.

А в кармане Лео, рядом с пустым флаконом от «Спокойствия», лежала записная книжка с одной-единственной, многообещающей и зловещей фразой. Он еще не знал, что это не просто впечатление. Это было приглашение. Написанное его собственной кровью, еще не пролитой, но уже обещанной.

ГЛАВА 1: ПРЕЛЮДИЯ ИЗ ПЕПЛА

Лео проснулся от того, что кто-то сверлил ему висок изнутри. Отзвук того гулкого удара гонга из театральных недр превратился в ночи в монотонную, навязчивую пульсацию. Он лежал, уставившись в потолок своей студии, где светящиеся линии «умного» интерьера вычерчивали скучные геометрические фигуры. Воздух пахло... ничем. Система климат-контроля тщательно вычищала все примеси, оставляя только нейтральную пустоту. Вчерашний запах театра – воска, пыли и увядающих цветов – казался теперь галлюцинацией, сном наяву.

Но на прикроватном столике лежала записная книжка, открытая на той самой странице. Угловатые буквы: «...Идеальная сцена для триллера. Или для чего-то более буквально». И еще одна деталь, которую он не записывал, но которая врезалась в память: холод бархата кресла и то, как тот человек в черном касался его, будто считывая невидимые отпечатки.

Он встал, и его отражение в черной поверхности умного экрана ответило ему бледным, невыспавшимся лицом с тенью щетины. Тридцать семь лет. Взгляд, который видел слишком много премьер и слишком мало настоящей жизни.

ни. Рука автоматически потянулась к мини-холодильнику за ампулой «Ясности-Плюс» – стандартный утренний ритуал, чтобы привести мозг в рабочее состояние. Но пальцы замерли в сантиметре от дверцы. Вчерашний страх, тот самый, дикий и животный, был хоть и неприятен, но... ярлык. Он оставил послевкусие. Он был настоящим. А «Ясность-Плюс» лишь наведет искусственный порядок в мыслях, сгладит острые углы, сделает воспоминание о театре очередным рабочим материалом.

Лео оставил ампулу там, где она была. Вместо этого он налил себе черного кофе, настоящего, редкого и дорогого, импортного из сохранившихся где-то на экваторе плантаций. Горький, обжигающий вкус был еще одной каплей реальности в море синтетики.

На плазменной панели в стене проигрывался утренний дайджест новостей. Голос диктора, отлакированный до бесстрастия, сообщал об успехах в производстве эмоциональных стабилизаторов нового поколения, о небольшой биржевой панике, быстро купированной выбросом рыночного «Оптимизма-3», о предстоящем выступлении виртуальной поп-дивы, чьи голограммы вызывали «гарантированные приливы ностальгии у 87% зрителей». Мир работал как часы. Отлаженный, безопасный, скучный механизм.

И на самом краю экрана, в блоке светской хроники, мелькнула короткая строка: «Трагическая случайность. Известный меценат Артур Ван Дорен скончался от сердечного при-

стуга во время премьеры в «Театре Душ». Коллектив театра выражает глубочайшие соболезнования».

Лео замер с чашкой у губ. Артур Ван Дорен. Железный человек, титан старой школы, чье состояние было построено на производстве первых синтетических антидепрессантов. Говорили, у него было вшито кардиостимулирующее устройство последнего поколения. Сердечный приступ. В театре.

Воспоминание врезалось, острое, как осколок: гримаса на лице того актера в темноте? Нет, не актера. Того, кто пел. «Sanguis animae». Кровь души.

Кофе вдруг показался ему отвратительно горьким. Он поставил чашку, и его рука дрогнула, облив блюдо.

Рабочий день в редакции журнала «Культурный вектор» был фоном, на котором внутреннее напряжение Лео только нарастало. Открытое пространство офиса, залитое мягким, идеально подобранным для продуктивности светом, гудело тихими голосами. Коллеги обменивались мнениями о последних тенденциях, их лица были оживлены легкими, точно дозированными инъекциями «Коллегиальной симпатии» и «Творческого подъема». Улыбки были правильными, обсуждения – гладкими. Лео, обычно такой же отстраненный, сегодня чувствовал себя волком в стаде синтетических овец. Его собственная невысказанная тревога была тут инородным телом.

– Лео, дорогой! – к его столу подкатилась на кресле Линда, главный редактор раздела «Новые формы». Ее глаза бле-

стели с нарочитой интенсивностью («Профессиональный энтузиазм», предположил Лео). – Ну как твое погружение в андеграунд? «Театр Душ»? Слышала, там вчера Ван Дорен дал дуба. Пикантная деталь для рецензии, да? Надо обыграть – «спектакль, от которого разрывается сердце». Ха-ха.

Ее смех был легким, беззвучным, лишь имитацией. Лео почувствовал приступ тошноты.

– Еще не начал, – буркнул он, уставившись в экран.

– Ну, не тяни. Это сейчас в тренде – аутентичность, риск, неподдельные переживания. Говорят, у них там актеры прямо живут на сцене, не притворяются. Разберись, в чем их секрет. Может, используют какие-то несертифицированные эмоциональные катализаторы? Будет сенсация.

Несертифицированные катализаторы. Мысль Линды была отвратительно плоской и в то же время пугающе близкой к истине. Только катализаторы были не химические.

– Секрет в том, что они, возможно, вампиры, – едва не сорвалось у Лео, но он вовремя прикусил язык. Это прозвучало бы как безумие. Здесь, в этом храме рациональности и синтетических чувств.

– Попробую разобраться, – сухо ответил он.

Весь день он пытался заниматься другими делами, но мысли возвращались к театру. К той розе. Он нашел в сети упоминание о «Театре Душ». Скучные данные: основан в конце XX века, несколько раз менял владельцев, давно не ремонтировался, сохраняет верность «живой игре» в проти-

вовещ голографическим шоу. Ничего о Конраде Вальтере. Ничего о трупке. Как будто театр был черной дырой, всасывающей информацию.

Когда смена закончилась, Лео не пошел домой. Его ноги сами понесли его в район старых складов и полузаброшенных культурных центров, туда, где уютился «Театр Душ». Он не планировал входить. Он просто хотел посмотреть на него при дневном свете.

Дневной свет не сделал здание менее зловещим. Темный кирпич впитывал солнечные лучи, не отражая их. Глухие ставни были плотно закрыты. На ступенях не было ни души. Театр выглядел не просто закрытым, а запечатанным. Как склеп.

Лео обошел его вокруг, по узкому переулку, заваленному мусорными контейнерами. Там он нашел служебный вход – ржавую металлическую дверь с глазком. И рядом с ней – урну для отходов. Что-то в нем дрогнуло – профессиональное любопытство, смешанное с одержимостью. Оглядевшись, он поднял крышку.

Внутри, поверх обычного мусора, лежали необычные вещи. Не пустые упаковки от еды, а словно следы какого-то странного ритуала. Скомканные листы бумаги, исписанные тем же угловатым, почти готическим почерком, что он видел на афише (он разгладил один – это были пометки к мизансценам, с пометками «больше отчаяния в жесте», «тише, до шепота, чтобы зал замер»). Пустые флаконы от лекарств, но

без обычных маркировок – только рукописные цифры на латыни: «Tristitia», «Timor», «Extasis». И горсть увядших лепестков, тех самых, бархатисто-белых. Роз.

Он уже собирался уйти, когда его взгляд упал на что-то, спрятанное под самым краем. Это была тряпка, кусок ткани. Темная, влажная на ощупь. Лео потянул за край, и ткань выскользнула, издав слабый, но отчетливый запах меди и соли. Это был смятый мужской носовой платок, и в его центре, уже бурея, алело большое, неаккуратное пятно.

Кровь.

Не синтетическая питательная субстанция из капельниц. Настоящая, человеческая кровь.

В этот момент скрипнула задвижка на служебной двери. Лео отпрянул от урны, сунув окровавленный платок в карман, и прижался к стене, за груды ящиков.

Дверь открылась, и на порог вышел тот самый высокий мужчина в черном из театра. При дневном свете он выглядел еще призрачнее. Его кожа была не просто бледной, а фарфорово-прозрачной, так что на висках синевали тонкие прожилки. Черные волосы были гладко зачесаны назад. Он стоял, втягивая воздух, и его тонкие ноздри трепетали, будто улавливая не запахи, а что-то иное. Его взгляд, холодный и неспешный, скользнул по переулку, мимо контейнеров, мимо укрытия Лео, и устремился куда-то вдаль. Казалось, он смотрит сквозь кирпич и расстояние.

Потом он что-то произнес, но не в переулок, а назад, в

темноту помещения. Голос был низким, мелодичным, тем же, что пел на латыни.

– Он здесь. Близко. Его печаль... она звенит, как разбитое стекло. И пахнет... о, пахнет миндалем и дождем. Запомните этот оттенок.

Из глубины кто-то ответил тихим, женским смешком, который замер в горле, будто его придушили.

Мужчина в черном еще секунду постоял, а затем мягко, бесшумно, шагнул назад и закрыл дверь. Задвижка щелкнула.

Лео стоял, прижавшись спиной к холодному кирпичу, не дыша. В ушах стучала кровь. «Он здесь. Его печаль». Они говорили о нем. Они чувляли его горе, его боль, как собаки чувуют раненого зверя. Им нужна была не его кровь из вены. Им нужна была кровь его души – эта самая скорбь.

Он медленно выдохнул, и его дыхание вырвалось белым паром в холодном воздухе, хотя день был теплым. Он посмотрел на платок в своем кармане, на бурый след. Это была не случайность. Это было сообщение. Приглашение в игру, правил которой он не знал, но где ставкой была его собственная, уже истерзанная, но все еще живая душа.

Он повернулся и почти побежал прочь из переулка, назад к людным улицам, к синтетическому свету, к безопасной, бесчувственной пустоте. Но он знал, что это бегство – иллюзия. Они уже взяли его на прицел. И завтрашняя премьера была не просто спектаклем.

Она была началом охоты. А он, Лео, циничный критик, уставший от жизни, был и зрителем, и дичью одновременно. И платок в его кармане был первым трофеем, который охотники небрежно обронили, чтобы жертва поняла: путь назад отрезан.

Путь домой превратился в хаотичный маршрут по переулкам, где Лео постоянно оглядывался, ловя в периферийном зрении то мелькание черного подола плаща, то слишком бледное лицо в толпе, замершее и наблюдающее. Но это всегда оказывалось игрой света или кем-то из обывателей, чья бледность была следствием моды на «аристократический гламур» и недостатка ультрафиолета. Параноидальная чуткость, отточенная страхом, стала его новым, неудобным спутником.

Его квартира-студия встретила его привычной, угнетающей стерильностью. Свет включался автоматически, подстраиваясь под «циркадные ритмы» – сейчас это был теплый, успокаивающий закатный оттенок. Музыкальный фон, подобранный алгоритмом на основе его утренних показателей стресса, тихо лился с потолка – что-то акустическое, с повторяющимися, убаюкивающими паттернами. Все было создано для того, чтобы расслабить, умиротворить, стереть острые углы. Лео вырубил все одним резким жестом. Воцарилась тишина, которую тут же заполнил навязчивый, едва уловимый гул городского жизнеобеспечения – вечное фоновое брюзжание мегаполиса.

Он вытащил из кармана окровавленный платок. Без защитной перчатки, голыми пальцами. Ткань была дорогой, льняной, с вышитой в углу монограммой, которую он не мог разобрать – стилизованные, переплетенные буквы, возможно, «С» и «V». Запах теперь был отчетливее: медь, сладковатая органика и... что-то еще. Слабый, горьковато-цветочный шлейф, как от раздавленных лепестков нарциссов. Яд? Или парфюм? Он осторожно развернул платок. Пятно было большим, с неровными краями, будто кровь хлынула внезапно и ее пытались остановить, прижимая ткань. В центре, где впиталось больше всего, она была почти черной, как деготь. По краям – ржаво-коричневой.

Лео подошел к компактному анализатору, встроенному в кухонную панель – прибору для проверки свежести продуктов и состава воды. Абсурдность действия заставила его усмехнуться. Он включил спектрометрический режим и осторожно поднес край платка к сенсору. Прибор несколько секунд мигал, анализируя. На экране появился список: железо, гемоглобин, тромбоциты... стандартные компоненты. И затем – аномалия. Незначительные следы неизвестного белкового соединения и повышенный уровень определенных нейротрансмиттеров – норэпинефрина и кортизола, маркеров острого стресса, ужаса. Такие показатели могли быть у человека, попавшего в автокатастрофу или видящего собственную смерть. Кровь была не просто пролита. Она была насыщена паникой.

Рука Лео задрожала. Он отшвырнул платок, и тот беззвучно упал на полированный пол цвета венге, кричащее пятно на идеальной поверхности.

Он потянулся было за коммуникатором, чтобы связаться с кем-то – с полицией? Скорая помощь для души? – но остановился. Что он скажет? «Я нашел платок с кровью, полной страха, возле театра, где поют на латыни и смотрят сквозь стены»? Его примут за клиента, слетевшего с катушек от нелицензированных эмоциональных стимуляторов. А если они проверят его историю запросов, увидят интерес к «Театру Душ», свяжут со смертью Ван Дорена... Нет. Это ловушка. И молчание – пока единственная тактика.

Но пассивность была не для него. Критик в нем, тот самый, что годами копался в мотивах персонажей и структуре пьес, потребовал действий. Он сел за терминал, отключив историю поиска и используя платный, одноразовый виртуальный туннель – редкую и дорогую роскошь в мире тотального сбора данных.

Он искал все, что мог, об Артуре Ван Дорене. Официальные новости были скупы. Но на периферии сети, в форумах для медиков и техников, обслуживающих био-импланты, он наткнулся на обсуждение. Сообщение от анонима, удаленное через час после публикации, но заэкшированное: «Сегодня экстренный вызов в «Театр Душ». Клиент с кардио-имплантом «Прометей-7». Полный отказ. Логи показывают не аритмию, а синусоидальный всплеск электрической

активности в миндалевидном теле, за которым последовал буквально разрыв сердца от перегрузки. Как будто его мозг послал в сердце команду умереть от ужаса. Сам имплант... оплавлен изнутри. Никогда такого не видел».

Оплавлен изнутри. Команда умереть от ужаса.

Лео откинулся на спинку кресла, ощущая, как холодный пот выступил у него на спине. Он посмотрел на голограмму Марты, закрепленную на полке. Она была статичной, немой. Он представил, что было бы, если бы он мог вновь пережить ту боль, тот ужас потери, но не как память, а как настоящее, физическое ощущение. И если бы кто-то мог эту боль... выпить. Сделать из нее нектар.

Дверной звонок прозвучал как выстрел в тишине. Лео вздрогнул. На панели у двери загорелось изображение. Не служба доставки и не сосед. Перед его дверью стояла женщина. Высокая, в длинном пальто цвета хаки, с капюшоном, натянутым на голову. Лица не было видно, но поза была неестественно неподвижной. В руках она держала длинный, узкий конверт из плотной, кремовой бумаги.

Лео не двигался. Сердце бешено колотилось. Они пришли. Сюда.

Женщина, не дождавшись ответа, медленно наклонилась и просунула конверт в щель между дверью и полом. Бумага с легким шорохом скользнула внутрь. Затем она выпрямилась, повернулась и ушла, ее шаги не звучали в коридоре, словно она парила в сантиметре над полом.

Лео ждал минуту, другую, прежде чем подойти. Конверт лежал на полу, кричаще-инородный предмет в его безупречном пространстве. На нем не было адреса, лишь его имя, выведенное тем же изящным, острым почерком, что и в театральных пометках: «Лео».

Он вскрыл его ножом для бумаги. Внутри лежал единственный лист и билет.

Билет был на сегодняшний вечер. На тот самый спектакль, «Элегия серого камня». Место – не в партере, а в ложе. Ложа №13. Третьем ярусе, с краю, почти у самого потолка. Изолированная.

А на листе было написано:

«Уважаемый господин критик.

Наш скромный храм искусств, судя по всему, произвел на Вас впечатление. Боюсь, вчерашний визит был слишком краток и омрачен... техническими неполадками. Премьера «Элегии серого камня» – это не просто спектакль. Это зеркало, обращенное к глубинам. Зеркало, в котором некоторые могут узнать тени собственной души.

Мы будем искренне рады видеть Вас в качестве нашего гостя. Ложа №13 предоставит Вам уникальную перспективу – увидеть не только сцену, но и зал. Увидеть, как рождается Истинное Чувство.

Приходите. Ваша неподдельная печаль – лучший комплимент нашему искусству.

С почтением,

К.В.»

Под текстом, вместо печати, был оттиск. Крошечная, идеально прорисованная гравюра: театральная маска, но не комедии и трагедии. Одна половина лица маски была прекрасным, спящим профилем. Другая – обнаженным черепом, из глазницы которого вилась лоза с шипами и одним бутонем белой розы.

Лео сглотнул. Горло было сухим. Это не было угрозой. Это было приглашением на роль. Явным. Он снова был выставлен на показ, его боль – анонсирована как главное действующее лицо.

Он подошел к окну, выглянул в вечерний город. Огни, движение, бесчувственный покой. Там, в «Театре Душ», готовилось что-то иное. Древнее и голодное. И он, со своим билетом в ложе №13, со своей кровью, что стучит в висках от страха, и со своей незаживающей раной, называемой горем, был желанным гостем на этом пиру.

Он посмотрел на часы. До начала – три часа.

Впервые за долгое время он не чувствовал апатии. Он чувствовал леденящий, парализующий ужас. И, как ни чудовищно это было, это чувство было живым. Оно жгло, сковало дыхание, заставляло мир вокруг обретать невероятную, болезненную резкость. Краски за окном казались ярче, звуки улицы – отчетливее. Страх обострял все чувства, возвращал его к жизни ценой, которая, возможно, была слишком высока.

Он медленно поднял билет. Бумага пахла сандалом и старыми чернилами. Он знал, что пойдет. Потому что альтернатива – остаться здесь, в этой стерильной капсуле, с призраком жены и призраком собственного бесчувствия – была теперь страшнее любого чудовища из древней легенды. Он пойдет, чтобы доказать себе, что еще может чувствовать. Даже если это чувство убьет его.

Он надел темное, неброское пальто, нащупал в кармане записную книжку и карандаш. Оружие наблюдателя. Последний раз взглянул на голограмму Марты.

«Прости, – прошептал он. – Кажется, я нашел место, где нашу боль... где мою боль... кто-то может увидеть.»

И он вышел, чтобы снова погрузиться в ждущую, безмолвную пасть «Театра Душ». На этот раз – по приглашению.

ГЛАВА 2: ЛОЖА НОМЕР ТРИНАДЦАТЬ

Воздух у входа в театр был иным. Не пустым и ждущим, как вчера, а густым, томным, пропитанным ожиданием. Узкий тротуар перед массивными дубовыми дверями был запружен людьми, но толпа не гудела привычным городским гомоном. Здесь стояли, перешептываясь, кутаясь в дорогие меха и темные плащи, словно боясь, что свет уличных фонарей слишком грубо коснется их лиц. Это была особая порода – эстеты-маргиналы, уставшие от голограмм, коллекционеры экзотических переживаний, те, кто мог позволить себе рискнуть своим душевным комфортом ради щекочущего нервы словечка «аутентичный». Лео видел, как одна дама в серебряной боа нервно сжимала в руке ингалятор с «Уверенностью», но так и не решилась им воспользоваться. Другой мужчина, с глазами, слишком яркими от «Любопытства-Плюс», жадно всматривался в каждую щель театрального фасада, как будто надеялся увидеть секрет еще до начала действия.

Сама дверь была теперь приоткрыта, и изнутри лился не свет, а густая, почти осязаемая тень, пахнувшая ладаном, пчелиным воском и все тем же сладковатым запахом увядающих лилий. Слуга в ливрее, тот самый с каменным лицом, стоял

у входа, не проверяя билеты, а лишь скользя взглядом по гостям. Его глаза, цвета темного янтаря, на мгновение задержались на Лео, и в них не было ничего – ни приветствия, ни угрозы. Полная пустота. Он кивнул, чуть заметно, и жестом указал на узкую, неприметную дверь слева от главного входа, обитую черным бархатом.

«Для гостей лож, – прозвучал его голос, глухой и без интонаций, будто доносящийся из колодца. – Вам туда».

Лео прошел, ощущая на себе взгляды остальных. Зависть? Жалость? Он не стал разбираться. Черная дверь привела его в крохотный круглый вестибюль с лифтом из кованого железа и черного дерева – антикварный, опасного вида агрегат. Внутри, на бархатной табуреточке, сидел еще один слуга, мальчик лет четырнадцати, с бледным, как у фарфоровой куклы, лицом и большими, невинными глазами. Он молча протянул руку за билетом, осмотрел его при свете крохотной медной лампы, вделанной в стену, и беззвучно указал Лео в кабину.

– Тринадцатая ложа на третьем ярусе, – прошептал мальчик, и его голосок был тонок и хрустально чист. – Во время действия лифт не работает. Спектакль длится два часа без антракта. Покинуть ложу до финала... не рекомендуется.

Лифт с глухим скрежетом и лязгом цепей пополз вверх. Он двигался медленно, и сквозь ажурные решетки Лео видел, как мелькают ярусы театра. Сначала партер, где служители зажигали крохотные масляные лампы на спинках кре-

сел, отбрасывающие трепетные блики на красный бархат. Потом бельэтаж, где в уже занятых ложах люди напоминали не зрителей, а экспонатов в бархатных витринах – замерших, неестественно прямых. Воздух становился все холоднее и тоньше, пахнувшим не пылью, а старым холодным камнем.

Лифт остановился с тихим стуком. Решетка открылась сама собой. Перед Лео был узкий, извилистый коридор, освещенный редкими бра в виде стилизованных драконьих голов, держащих в пасть матовые шары из молочного стекла. Тишина здесь была абсолютной, гнетущей. Он нашел дверь с выгравированной римской цифрой «XIII».

Ложа оказалась не уютным балкончиком, а скорее каменной нишей, вырубленной в самой стене. Ее отделял от пропасти зала не барьер, а низкая мраморная балюстрада, покрытая резьбой в виде ползущих, переплетающихся виноградных лоз с острыми шипами. Внутри стояло одно-единственное, высокое кресло-трон с прямой спинкой, обтянутое темно-синим, почти черным бархатом. По бокам – две узкие, глубокие ниши в стене, в которых стояли странные предметы: слева – большая, покрытая патиной медная чаша на трех ножках, внутри которой лежал кусок темного, смолистого ладана, еще не тронутый огнем. Справа – пустой, высокий канделябр из черного железа с семью рожками.

Но главным была перспектива. Отсюда, с этой высоты, зал открывался как гигантская, темная чаша, устье которой

– сцена – светилось тусклым, приглушенным светом, словно жемчужина в раковине. Лео видел не только сцену, но и весь зрительный зал целиком, как карту. Он видел, как медленно, почти бесшумно заполнялись ряды. Видел, как люди снимали верхнюю одежду, и слуги-тени уносили ее. Видел, как одна женщина в бельэтаже вдруг беспричинно вздрогнула и оглянулась, будто кто-то коснулся ее плеча в пустоте. И он видел другие ложи. В некоторых были пары или небольшие компании. Но в большинстве, особенно на верхних ярусах, напротив него, в ложах, погруженных в почти полную тьму, сидели одиночные фигуры. Неподвижные. Слишком прямые. Их лица были скрыты тенями или легкими вуалями, но позы выдавали не просто ожидание, а напряженное, хищное внимание. Они не смотрели на сцену. Они смотрели в зал.

Внезапно, одна из фигур в ложе прямо напротив медленно повернула голову. Луч света от какой-то далекой лампы скользнул по высокому белому лбу, по острым скулам, по глубокой глазной впадине. На мгновение Лео встретился с этим взглядом. Он не видел глаз, только две точки глубокой тьмы. Но он почувствовал – ледяную, безразличную оценку, взгляд повара на рынке, выбирающего тушку. Потом фигура так же медленно отвела взгляд, обратив его вниз, на партер, где рассаживалась основная публика.

У Лео пересохло во рту. Он опустился в кресло. Бархат был ледяным и ворсистым, он впивался в кожу сквозь ткань

одежды. Он вытащил записную книжку, но держал ее наготове, как щит.

«Ложа 13. Не для обзора. Для наблюдения. Сверху видны не зрители, а стадо. А в верхних ложах – пастухи. Или мясники».

В этот момент все масляные лампы в зале разом потухли.

Наступила тьма, настолько густая и полная, что Лео на секунду потерял ориентацию. Он инстинктивно вжался в спинку кресла. В тишине, которая стала теперь оглушительной, раздался один-единственный, чистый звук. Звук камертона, взятого на самой высокой, леденящей ноте. Он висел в воздухе, заставляя вибрировать кости.

И затем, медленно, беззвучно, пополз вверх главный занавес.

На сцене не было декораций в привычном смысле. Там стоял одинокий, грубо отесанный обелиск из серого камня, освещенный единственным лучом холодного, лунного света, падавшим сверху откуда-то из темноты колосников. Вокруг – море черного бархата, в котором тонули очертания. У подножия обелиска, спиной к залу, сидела фигура в простом сером хитоне. Это была женщина. Ее темные волосы были распущены по плечам.

Музыки не было. Был только звук – ее дыхания. Громкого, прерывистого, почти стонущего в тишине. Зал замер, замороженный этой нагой, физиологической откровенностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.